

Ольховская Юлия Ивановна

канд. филол. наук, доцент Куйбышевский филиал ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» г. Куйбышев, Новосибирская область

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования читательской компетенции у студентов. В частности, отмечается важность деятельности будущего специалиста, направленной на работу с текстом, его понимание, осмысление и использование для достижения определённых целей.

Ключевые слова: читательская грамотность, анализ художественного текста, Пришвин М.М.

Образовательный процесс XXI века строится с учётом современных вызовов, формирующих новые компетенции и новые виды грамотности. Среди последних принято выделять универсальные и специальные (предметные), позволяющие успешно и безопасно социализироваться человеку. Среди всех видов грамотности нам интереснее рассмотреть читательскую. Под читательской грамотностью понимается способность человека к осмыслению письменных текстов, к использованию их содержания для достижения собственных целей, развития знаний и возможностей, для активного участия в жизни общества [2]. Её формирование начинается в школе и продолжается в вузе, но уже на более высоком профессиональном уровне, например, при подготовке учителя русского языка и литературы. Заметим, что федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования направлены на подготовку будущего специалиста, обладающего предметными и профессиональными компетенциями. Это позволяет подготовить выпускника понимающего, что такое междисциплинарный подход и умеющий соединять базовые и новые знания.

Способом формирования читательской грамотности является анализ текста, в нашем случае художественного. Студентов следует ориентировать на стратегию восприятия текста как целого. Рассмотрим более подробно на примере творчества М.М. Пришвина. В пришвиноведении есть утверждение, что главная книга — дневник, который он вёл практически всю свою жизнь. Изучение всех особенностей поэтики писателя начинается именно с дневника. Например, тема Великой Отечественной войны раскрывается Пришвиным в лирико-медитативных миниатюрах и входит в мотивный комплекс «война». Задача студента увидеть взаимосвязь жанровых моделей в метатексте и формирование идейно-мотивных комплексов связана с уровнями восприятия текста.

Писатель Пришвин пережил две войны – Первую мировую и Великую Отечественную. Во время Первой мировой войны, которую он называл «последней», в качестве военного корреспондента он не раз бывал на передовой. Увиденное заставило его по-другому относиться и к самому себе, и к собственному творчеству. В этот период в дневнике появятся новые темы, например, единения людей во время войны, противостояния тыла и фронта, войны как того, что угнетает и раздавливает человеческую личность. Символом войны для писателя станет женский плач. Великая Отечественная война, или «тотальная» война, по определению писателя, с первого дня воспринималась как некий Порог, Суд народа (запись 22.06.1941 года), т.е. граница между прошлым и будущим. Пришвин определяет «войну как болезнь, охватившую всё человечество» [1, с. 412].

Вновь появляется символ «реки женских слёз», которая противопоставляется «реке мужской крови». Например, лирико-медитативная миниатюра «Плачьте, женщины! Лейте слёзы, как можете: ни одна слеза ваша не пропадёт даром. Я знаю по себе самому: именно эти слёзы рождали во мне мужество. И как? А как дождь, этот небесный плач, поднимает силу земли, так в человеческой душе женские слёзы...» [1, с. 392].

Изучение дневниковых записей Пришвина, сделанные с июня 1941 года по май 1945, позволяет выделить такие антиномии, как война — мир; слово — молчание, тишина природы — залпы механизмов, индивидуальное — общее, смерть —

² https://phsreda.com

жизнь, добро — зло. В этой системе координат размышляет и наблюдает писатель. Уже в начале войны появляется в дневниковых записях уверенность в будущей победе, залогом которой становится особый характер русского человека, объединение всех перед лицом общего врага. Государство в этот период отождествляется с семьёй. Говоря о русском народе, Пришвин подчёркивает его особенность — «силу жизни». «Есть ли ещё в Европе другой такой народ, кому так хочется жить?» [1, с. 393]. Он пишет о жизнелюбии русского народа: «И вот мне чудится, что как бы ни был немец велик своими победами, меня лично и вообще лично русского ему никогда не победить» [1, с. 404].

Как внимательный наблюдатель Пришвин подробно описывает военные будни, тревогу людей, эвакуацию. Проводя параллели с Отечественной войной 1812 года, автор пишет: «Москва, как и Ленинград, потихоньку эвакуируется, и уверенно никто не скажет, что Москва не будет взята немцами. Но всякий знает, что Россия останется неразбитой страной и без Москвы, а немцы придут в Москву в существе своём разбитыми» [1, с. 393]. Или, например, диалог: «- Родина, а где родина? – Так, милый, нельзя думать, – сказал я, – что если моя деревня взята, значит, взята и родина» [1, с. 398].

Размышляя над природой воинского подвига, Пришвин противопоставляет понятия «жить хочется» как отражение собственного, смертного и желанием умереть за всех, в котором проявляется вечное. Подвиг рассматривается как нравственное понятие, соединяющее личное и общее: «Наступает время суровой борьбы за спасение жизни, и надо быть вполне готовым к возможности самого «худого конца» [1, с. 397]. Наверное, неслучайно образ победителя представляется ему «юношей с цветами в руках».

Во время войны Пришвин не эвакуировался, как ему предлагали, а планировал отправится в Переславль за 160 км от Москвы. Когда стало возможным, он вернулся в Москву, но вскоре его дом разбомбило, и он стал жить в Загорске. Пришвин хорошо знал, что такое бомбёжка, долгие часы ожидания в убежище и, надо сказать, уже не особо туда торопился. Во время войны он продолжал писать, рассказывая о женщинах, воспитывающих 300 детей, оставшихся без родителей,

о детях, вывезенных из блокадного Ленинграда, о Соне и Боре — прототипах Настёны и Митраши, героев сказки-были «Кладовая солнца». Он рассказывает в дневнике, как фотографирует детей, чтобы их фотокарточки матери отправили на фронт воюющим отцам. Размышлению о материнстве и о роли женщины во время войны Пришвин много времени. Например, «Материнство как сила, создающая мост от настоящего к будущему, осталась единственной движущей силой жизни... Новое время характерно величием материнства: это победа женщины» [1, с. 468].

С течением времени художник начинает размышлять о задачах, которые стоят перед писателем во время войны. Писатель есть свидетель, который пишет для вечности («давать информацию в вечность» [1, с. 394]. Возникает желание сказать какое-то самое «необходимое», «выстраданное и заслуженное» «огненное» Слово, которое могло бы выразить всю суть творчестве и подвести итог, итог жизни: «Как писатель я теперь должен быть во всей собранности внимания к жизни людей, живущих в ожидании Слова» [1, с. 400]. Так от общечеловеческих вопросов он переходит к осмыслению собственного «я», точнее «мы». Очень часто, говоря об отношении к войне, Пришвин использует местоимение «мы» в соответствии с его концепцией «родственного внимания». Сохраняя принцип сопоставления жизни природы и жизни человека, художник подчёркивает своё единение с природой, которая помогла уйти от одиночества личности к пониманию собственной принадлежности миру, стать «мировой подробностью» (как определяет Пришвин). Поэтому местоимение «мы» уместно.

Следует заметить, что лирика отступает во время войны: лиризм как бы приглушается, а размышления о любви приобретают всё большую философичность. Пришвин начинает скрывать лирический настрой от близких (жены Валерии Дмитриевны). Хотя именно в этот период мысли о любви, о её значении в жизни человека оформляются в некую концепцию. Например, «любовь как сила, преодолевающая страдание» [1, с. 414]; любовь как творчество. Война становится поводом для осмысления своего чувства к Валерии Дмитриевне. Парадоксально, но художник отмечает, что война улучшает человека («Людей хороших гораздо

больше, чем нам об этом говорят и чем мы сами об этом думаем тайно...» [1, с. 399], война делает людей сплоченнее (образ двух сосен, которые «сошлись кронами»). Наблюдая за отправляющимися на фронт, Пришвин говорит об их общем деле. Контрастом звучат дневниковые записи: «Господи, как хочется жить и как всё живое на волоске. И как люди обвыклись с возможностью смерти и как в то же время борются за существование» [1, с. 419]; «До чего хочется мира, что когда утром выйдешь из дома и не слышишь буханья орудий и бомб, думаешь: уж не мир ли пришёл?» [1, с. 408]. Встречая 1945 год, Пришвин запишет: «Прощай, старый год! Свет уже прибавляется, и опять, не помня зла, встречаю новый год, и опять жду и себе чего-нибудь хорошего, и всем хорошим людям желаю скорого возвращения близких» [1, с. 462].

Итак, читательская грамотность продолжает формироваться и на ступени получения высшего образования. Стратегия воспринимать текст как целое позволяет работать со всеми уровнями, а следовательно, подниматься на высокий уровень обобщения и соотносить конкретные знания с универсальными.

Список литературы

- 1. Пришвин М.М. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1986. 757 с.
- 2. Шаумян К.Г. Формирование читательской грамотности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mcoip.ru/opyblicovannie_materiali/formirovanie-chitatelskoj-gramotnosti/